

Календари и последовательности событий у разных поколений взрослеющих жителей Франции, Эстонии и России

Екатерина Сергеевна Митрофанова
(emitrofanova@hse.ru), Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Россия.

Calendars and sequences of events during the transition to adulthood among different generations in France, Estonia and Russia

Ekaterina Mitrofanova
(emitrofanova@hse.ru), HSE University, Russia.

Резюме: Композицию перехода во взрослую жизнь можно представить разными способами. Например, через календарь, который образуется путем расчета медианных возрастов наступления разных стартовых событий. Этот способ простой и наглядный, но не учитывающий вариативность индивидуального жизненного пути. Второй способ – использование анализа последовательностей (Sequence Analysis), который работает с целостной цепочкой стартовых событий в рамках каждой отдельной биографии.

Мы применили оба способа и визуализировали переход во взрослую жизнь во Франции, Эстонии и России. Сравнительное исследование было выполнено на данных первой волны опроса «Поколение и гендер» (Generations and Gender Survey) в разрезе пола для поколений, родившихся с 1930 по 1979 гг. В качестве событий-маркеров взросления мы использовали: первое отделение от родителей, завершение образования, вступление в первое партнерство, вступление в первый брак и рождение первого ребенка. Анализ тайминга показал, что отделение от родителей не меняет своей позиции в календаре наступления событий для рассматриваемых стран и поколений. Получение профессионального образования откладывается только во Франции при движении от старших к молодым поколениям, а в эстонских и российских поколениях изменения медиан не происходит. Демографические события откладываются только во Франции, а в Эстонии и России даже наблюдается омоложение, что высвечивает проблему медианных возрастов: среди молодых поколений еще не все обрели свои стартовые события, поэтому предварительные результаты выглядят как омоложение, хотя это может быть следствием откладывания событий.

Анализ последовательностей нивелировал проблемные зоны медиан и показал конвергенцию паттернов взросления: биографии молодых респондентов становятся более разнообразными во всех трех странах, вступление в брак откладывается, а партнерство становится событием, с которого начинаются демографические траектории.

Ключевые слова: календарь наступления событий, анализ последовательностей, переход во взрослую жизнь, жизненный путь, Франция, Эстония, Россия.

Благодарности: Автор выражает благодарность за поддержку и научное консультирование коллегам, оказавшим помощь в подготовке данного исследования: С.В. Захарову, А.Г. Вишневскому, А. Piir, A. Blum, A.O. Макаренцевой, Д.И. Игнатову, А.А. Муратовой, В.С. Магуну, М.С. Фабрикант, F. Billari, M. Mills, L. Sakkeus, L. Rahnu, P. Blanchard, R. Leu, L. Toulemon, E. Lelièvre, M. Bouchet-Valat, L. Moulin. Также благодарность студентам НИУ ВШЭ за помощь при подготовке статьи к публикации: Е.А. Онегиной, Е.Д. Блюмкиной, Г.А. Шабалину и А.Е. Ермошкину.

Финансирование: Исследование выполнено под эгидой программы «ERA.Net RUS plus» (грант RUS_ST2019-423 – LifeTraR) при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-511-76006.

Для цитирования: Митрофанова Е.С. (2023). Календари и последовательности событий у разных поколений взрослеющих жителей Франции, Эстонии и России. Демографическое обозрение, 10(1), 108-135. <https://doi.org/10.17323/demreview.v10i1.17262>

Abstract: *The composition of the transition to adulthood can be represented in many ways. For example, with a calendar created by calculating the median ages of the onset of different starting events. This method is simple and visually intuitive, but it does not consider the variability of individual life courses. The second method is Sequence Analysis, which works with a holistic chain of the starting events within each individual life course.*

We applied both methods to visualize the transition to adulthood in France, Estonia and Russia. A comparative study was carried out on data from the first wave of the Generations and Gender Survey by sex for generations born from 1930 to 1979.

As markers of becoming adult, we used the following: the first separation from parents, completion of education, entry into the first partnership, entry into the first marriage and the birth of the first child.

Timing analysis showed that separation from parents does not change its position in the calendar of events for the countries and generations considered. Professional education was postponed only in France (when moving from older to younger generations), while there is no change in medians in the Estonian and Russian generations. Demographic events were postponed only in France, while in Estonia and Russia there was even rejuvenation, which highlights the problem of this method: among younger generations, not all had experienced all the events they would have liked. Hence, while the preliminary results may look like rejuvenation, this may just be a postponement of events.

Sequence Analysis neutralized the problem areas of medians and showed the convergence of patterns of the transition to adulthood: biographies of young respondents became more diverse in all three countries; marriage was delayed; partnership became the event with which demographic trajectories begin.

Keywords: *timing of events, sequence analysis, transition to adulthood, life course, France, Estonia, Russia.*

Acknowledgments: *The author is grateful for support and scientific advice from colleagues who assisted in the preparation of this study: S.V. Zakharov, A.G. Vishnevsky, A. Puur, A. Blum, A.O. Makarentseva, D.I. Ignatov, A.A. Muratova, V.S. Magun, M.S. Fabricant, F. Billari, M. Mills, L. Sakkeus, L. Rahnu, P. Blanchard, R. Leu, L. Toulemon, E. Lelièvre, M. Bouchet-Valat, L. Moulin. Thanks also to students of HSE for their help in preparing the text for publication: E.A. Onegina, E.D. Blyumkina, G.A. Shabalin, and A.E. Ermoshkin.*

Funding: *The reported study was performed under the «ERA.Net RUS plus» program (RUS_ST2019-423 – LifeTraR) and funded by RFBR, project number 20-511-76006.*

For citation: *Mitrofanova E. (2023). Calendars and sequences of events during the transition to adulthood among different generations in France, Estonia and Russia. Demographic Review, 10(1), 108-135. <https://doi.org/10.17323/demreview.v10i1.17262>*

Введение

В исследовании решаются две задачи: методологическая и эвристическая.

Методологический фокус состоит в применении двух разных способов визуализации и анализа совокупности событий жизни, маркирующих переход во взрослую жизнь. Наиболее распространенный в демографии и статистике способ предполагает работу с усредненными возрастными наступлениями событий, которые выстраиваются в календари и подлежат сравнению с целым рядом оговорок, так как не репрезентируют реальную очередность наступления событий. Второй способ – это анализ последовательностей, который позволяет увидеть наступление событий в динамике и в связке друг с другом. Несмотря на известные недостатки первого метода, мы всё же рассмотрим его подробно, так как в демографии медианные возрасты событий являются золотым стандартом, а то, что широко распространено и легко рассчитывается, требует удобных методов представления. Более того, предложенный нами инфографический метод наследует нашим предыдущим способам визуализации (Митрофанова 2019b; 2020), что создает единое визуальное и смысловое поле для комплексного анализа и уже реализовано в ряде проектов¹.

Эвристическая задача состоит в сравнении перехода во взрослую жизнь в трех странах, находящихся на одном континенте и объединенных социодемографическими и историческими отправными условиями. На данных первой волны опроса «Поколение и гендер» (Generations and Gender Survey) мы исследуем предположения теории Второго демографического перехода (ВДП), линии Хайнала и концепции жизненного пути (КЖП). Наша задача – исследовать, меняется ли наступление стартовых событий жизни во Франции, Эстонии и России в одном направлении или над общим трендом демографической модернизации преобладает региональная дифференциация и эффекты периода (например, распад СССР).

Работа выстроена следующим образом: в первом разделе изучены подходы к анализу перехода во взрослую жизнь, объяснен выбор стран для анализа и выдвинуты гипотезы; во втором разделе представлен аналитический подход, описаны данные и операционализированы понятия; в третьем разделе – анализ и дискуссия результатов.

Изучение перехода во взрослую жизнь в социальных науках

Переход во взрослую жизнь (transition to adulthood) – это один из этапов жизненного пути, который является растянутым во времени процессом и состоит из событий. В рамках концепции жизненного пути (КЖП) (Рождественская 2012; Alwin 2012; Levy 2005) есть термин «статусный пассаж» (status passage), который наиболее применим именно ко взрослению. Наступление событий пассажем (Levy 1997) – значит, близко по времени друг к другу и во взаимном влиянии (Elder, Johnson, Crosnoe 2003). Часто события наступают пассажем в рамках небольшого интервала времени – например, 3-5 лет.

---

¹ В рамках проектной группы «Визуализация событий жизненного пути» НИУ ВШЭ (<https://social.hse.ru/pg/visualdem/>) мы с командой демографов и программистов создали прототип средств визуализации наступления разных событий жизни, а в рамках направления «Информационная система “Жизненный выбор”» программы стратегического академического лидерства «Приоритет 2030» НИУ ВШЭ (<https://stratpro.hse.ru/social-policy/#subproject4>) мы разработали веб-инструмент, реализующий такие средства визуализации.

Из всех других стартов новых этапов жизни (например, детство, юность, пожилой возраст) именно взросление чаще всего наступает пассажем: когда все ранее недоступные «взрослые» сферы жизни открываются человеком если не одновременно, то очень близко по времени, и затем развиваются параллельно друг другу. Дело не только в том, что индивиды часто стремятся поскорее войти в новые статусы и обрести долгожданную «взрослость», но и в том, что на уровне социума и государства есть определенные «нормативные траектории», которые включают обретение определенных событий к конкретным возрастам. Причем «социальные дедлайны» обретения событий из разных сфер жизни могут наслаиваться.

Согласно постулатам КЖП, биографии современных людей начинают все меньше зависеть от расчерченной сетки «дедлайнов», которая формируется из опыта предыдущих поколений и текущей законодательной базы (Митрофанова 2019а: 56-58). В нынешних обществах человек становится «соавтором» своей биографии, которая перестает быть прогнозируемой и стандартизированной, а становится настраиваемой (choice biography) (Giddens 1994; Heinz, Marshall 2003; Huinink 2013).

Изменения в индивидуальных биографиях становятся возможными благодаря изменениям на макроуровне, которые мы фиксируем через такие процессы, как урбанизация, социальная и демографическая модернизация. Демографическая модернизация представляет собой комплексный процесс, в котором на различных этапах разную роль играют смертность, рождаемость, брачность, миграция (Демографическая модернизация России... 2006). Второй демографический переход (ВДП) (Lesthaeghe 1995; van de Kaa 1987), который большинство развитых и развивающихся стран сейчас либо проходят, либо завершают, является результатом изменений брачно-партнерских отношений, отношения к деторождению.

И первые брачно-партнерские союзы, и первые деторождения являются важными компонентами перехода во взрослую жизнь. В демографических работах устоявшимся является следующий перечень стартовых событий жизни, которые маркируют переход во взрослую жизнь: первое отделение от родителей, завершение образования, вступление в первое партнерство, вступление в первый брак и рождение первого ребенка (Billari et al. 2005; Billari, Liefbroer 2010; Buchmann 1989; Liefbroer 1999).

Модели демографического поведения европейцев (включая россиян) обычно разделяют в соответствии с «линией Хайнала», предложенной полвека назад (Hajnal 1965). Линию условно проводят от итальянского Триеста до российского Санкт-Петербурга, что делит европейские страны надвое в соответствии с особенностями их матримониального поведения. Для западноевропейской модели (слева от условной линии Хайнала) в прошлом (до начала демографического перехода) был характерен так называемый «европейский тип брачности»: более позднее вступление в брак и начало деторождения, поддержанное, в частности, мальтузианской революцией XIX века, а также высокий уровень окончательного безбрачия. Для восточноевропейской модели (справа от линии Хайнала) до начала перехода к низкой рождаемости характерны ранние и всеобщие брачность и деторождение.

На базе обследования «Поколения и гендер» (Generations and Gender, GGS) А. Пуур и соавторы (Puur et al. 2012а; Puur et al. 2012b) проверили предположения как теории Хайнала, так и теории ВДП, и нашли одновременно и подтверждения обеих концепций, и несогласующиеся с ними кейсы. Как утверждают авторы, в изменении брачно-

партнерского поведения европейцев, действительно, наблюдается и стадильность (предположения ВДП), и региональная дифференциация (предположения Хайнала): в странах восточной Европы переход к новой модели брака начался на несколько десятилетий позже, чем в западной Европе, причем сначала (через 15-20 лет) переход осуществили Восточная Германия и Эстония, а затем (через 20-25 лет) – Болгария, Венгрия, Литва, Россия и Румыния. А. Пуур и соавторы показывают, что процесс модернизации демографического поведения проходит определенные стадии, но культурно-исторические нормы, действующие в разных странах, могут оказывать существенное влияние на содержание и скорость протекания модернизационного процесса. Мы в нашем исследовании продолжим работу с обследованием, которое анализировали эстонские коллеги, но используем другие методы и разрезы анализа (страны, гендер, поколения).

Переход во взрослую жизнь как период, на котором локализуются все стартовые демографические и социоэкономические события жизни, должен, следуя общей логике ВДП, приводить к конвергенции: от так называемой «традиционной» модели взросления (Billari, Liefbroer 2010), когда переход во взрослую жизнь является «ранним, сжатым, простым» к «современной» модели, которая уже более «поздняя, растянутая, сложная». Вот как авторы описывают новую модель взросления: относительно ранний выход из родительского дома с последующим пребыванием без партнера, вступление во внебрачный союз: рождение первого ребенка (в относительно «позднем» возрасте) и вступление в брак происходит поздно (незадолго до или после вступления в родительские права), либо не происходит вовсе.

Выбор стран и гипотезы

Несмотря на то, что Франция, Эстония и Россия находятся на одном континенте и втроем пережили такие события, как индустриализация, Первая и Вторая мировые войны, они имеют достаточно много различий: географическое положение на континенте, история, традиции, институты и социально-демографическое поведение населения.

Франция входит в число стран, которые являются пионерами во многих процессах: индустриализация, урбанизация, гендерная, контрацептивная, образовательная революции 60-х годов, молодежные движения и др. Франция также была одной из первых стран, в которой началась демографическая модернизация (Blum et al. 2009; Blum, Sebille, Zakharov 2009). Ей присущ западноевропейский тип брачности, характеризующийся поздней брачностью и рождаемостью.

Эстония – прибалтийская страна, соседствующая с Россией. Эстония располагается слева от линии Хайнала, и до Второй мировой войны в демографическом поведении ее населения присутствовало больше паттернов западноевропейского типа брачности, но с вхождением в состав СССР социальные институты и практики поменялись, вобрав в себя ряд социальных и законодательных норм, характерных для стран "Советского" блока. После распада СССР демографическое поведение снова стало ближе к западноевропейской модели (Churilova et al. 2018; Nugin, Kannike, Raudsepp 2016; Rahnu, Puur, Sakkeus 2016). При этом нужно отметить, что в Эстонии сохранилось большое число русскоязычного населения, что делает эту страну интересным примером географической и социальной промежуточной позиции между западноевропейской Францией и восточноевропейской Россией.

Для досоветской России был характерен восточноевропейский тип демографического поведения с ранней и всеобщей брачностью и деторождением,

находящимися в плотной связке. В Советское время социальные институты поменялись, но брачность и рождаемость остались ранними и «обязательными» для успешной социализации (Демографическая модернизация России... 2006), а социоэкономическое поведение было «канализировано» в стандартизированные образовательные и трудовые траектории (Митрофанова 2019b; 2020). Исследования показывают, что после распада СССР демографическое поведение россиян стало модернизироваться и показывать тенденции к откладыванию демографических событий, что не встречалось никогда ранее (Zakharov, Ivanova 1996; Blum, Sebille, Zakharov 2009; Mitrofanova 2016; Mitrofanova, Artamonova 2016b).

Нам интересно изучить, насколько сильны тенденции демографической модернизации – приведут ли они к сближению паттернов взросления в трех рассматриваемых странах или региональная дифференциация будет прослеживаться даже в поколениях, социализировавшихся уже после распада СССР.

Мы ожидаем, что жители Франции будут демонстрировать больше всего паттернов модернизированного демографического поведения, и переход во взрослую жизнь будет тяготеть к «современной» модели взросления по (Billari, Liefbroer 2010): «поздней, растянутой, сложной». Жители России будут ближе к «традиционной» модели взросления «ранней, сжатой и простой», а жители Эстонии займут срединную позицию, так как в их демографическом ДНК западноевропейская модель брачности смешалась с опытом социализации в СССР.

Несмотря на разницу в паттернах взросления, мы ожидаем увидеть конвергенцию этих паттернов, т.е. движение в направлении откладывания наступления событий, как минимум демографических, а также рост разнообразия жизненных путей, проявляющийся через включение партнерства в нормативный сценарий взросления и более вариативную настройку траекторий в социоэкономической и демографической сферах.

Аналитический подход и данные

Методы

Современные статистические и демографические методы позволяют изучать такие параметры наступления событий жизненного пути, как: структура, число, календарь (тайминг), интенсивность и последовательность наступления событий или композиция² (Денисенко, Калмыкова 2007; Кокс, Оукс 1988; Billari et al. 2005; Billari, Liefbroer 2010). В данной работе мы исследуем показатели календаря через анализ медианных возрастов наступления событий и изучим последовательности их наступления. Для описательных целей мы также исследуем показатели структуры: изучим доли респондентов, имеющих разные события.

---

² Композиция наступления событий – авторский термин, введенный ранее в диссертации (Митрофанова, 2019а) для разграничения последовательности наступления событий, которая представляется в виде хронограмм и получается при использовании соответствующего метода (Sequence analysis), а также репрезентации позиции событий на оси координат или сетке Лексиса, как представлено в (Митрофанова, 2019а, с. 316).

Анализ календаря наступления событий будет произведен через расчет медианных возрастов их наступления, так как средняя арифметическая может быть слишком «чувствительна» к выбросам данных (очень ранним и поздним возрастам).

Для работы с последовательностями наступления событий использован специальный метод математической алгоритмизации – анализ последовательностей (АП, Sequence Analysis) (Abbott, Tsay 2000; Aisenbrey, Fasang 2007; 2010; Billari 2001; Billari, Piccarreta 2005). Этот метод нами подробно рассмотрен в ряде статей (Митрофанова 2016; Тындик, Митрофанова 2014; Espu, Mitrofanova 2017; Ignatov 2015; Mitrofanova, Artamonova 2015; 2016a).

В основе применения АП лежит переход от формата событий (когда для каждого респондента мы имеем набор дат наступления событий) к формату статусов (когда для каждого респондента буквенно обозначаются все статусы, в которых он состоит, на каждый момент времени) (Митрофанова, Артамонова 2015). Причем учитывается не только наличие события, но и его отсутствие. Например, для события «брак» может быть выбрана буква «Б», а для отсутствия брака – «О» (одинок). Тогда буква «Б» сменит букву «О» в статусе респондента в тот момент времени, когда он вступил в брак, но может опять поменяться на «О», если брак распался. Разработка алфавита тем сложнее, чем больше событий включено в анализ, а значит, их комбинаций, поэтому чаще всего события объединяются в «домены», как это было сделано в нашем исследовании (подробнее – в следующем разделе).

База данных

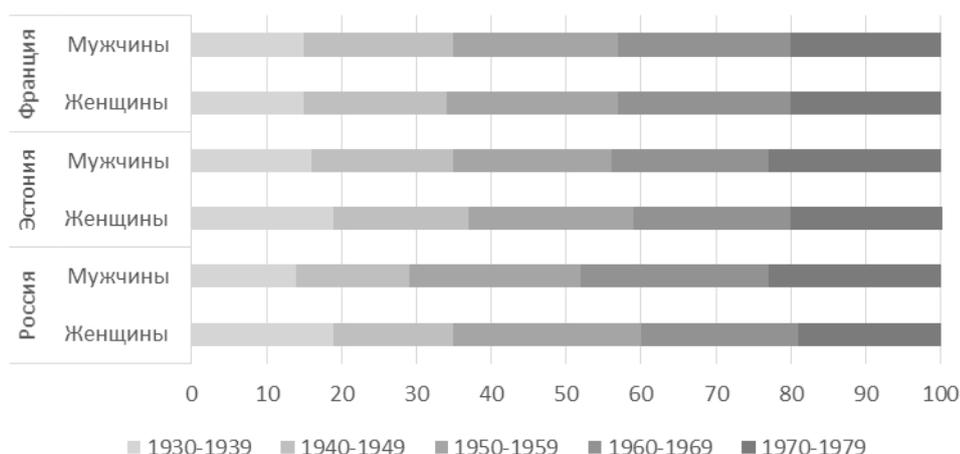
Мы гармонизировали данные первых волн опросов, проведенных в рамках международного сравнительного исследования «Поколение и гендер»³ (Generations and Gender Survey, GGS) для Франции, Эстонии и России (Gauthier, Cabaço, Emery 2018; Perelli-Harris et al. 2009). Обследование было проведено во Франции в 2005 г., в Эстонии в 2004-2005 гг., в России в 2004 г. Это не первое исследование, основанное на таком наборе данных и проведенное для этих стран (Blum et al. 2009; Blum, Sebillé, Zakharov 2009; Rahnu, Puur, Sakkeus 2016), но мы будем использовать оригинальный аналитический подход, изучать пять стартовых событий в разрезе стран, гендеров и поколений.

Число респондентов в выборках составляет: во Франции – 8493 человек, в Эстонии – 6797, в России – 9433. Во всех трех опросах наблюдается гендерный дисбаланс: доля женщин выше, чем мужчин. Доля опрошенных женщин составляет 63,9% во Франции, 55,7% в Эстонии и 63,1% в России. Гендерный дисбаланс нивелируется проведением всех расчетов в разрезе гендера, что выравнивает возможные диспропорции. Мы разделили респондентов 1930-1979 годов рождения (г.р.) на пять десятилетних поколений. Распределение респондентов по гендеру и поколениям представлено на рисунке 1.

---

³ Проект сравнительных выборочных исследований был инициирован Европейской экономической комиссией ООН при поддержке ведущих демографических и статистических центров в Европе и в ряде других стран. С 2009 г. Проект координируется Нидерландским междисциплинарным демографическим институтом (NIDI). Национальные выборки репрезентативны для своих стран. Подробности – на сайте программы: <https://www.ggp-i.org/>

Рисунок 1. Распределение респондентов по поколениям, в разрезе стран и гендера, %

Источник: Составлено автором по гармонизированным данным первых волн ЕЭК ООН «Поколение и гендер» для Франции, Эстонии и России

Операционализация понятий

В данном исследовании взросление изучается через наступление стартовых событий, которые принято считать маркерами перехода во взрослую жизнь (Billari et al. 2005; Billari, Piccarreta 2005; Buchmann 1989; Liefbroer 1999; Vikat et al. 2007), и которые присутствовали в анкете GGS. В базах данных для трех стран содержались вопросы относительно месяца и года наступления следующих стартовых событий: завершение получения профессионального образования (наивысший уровень образования, полученный после окончания школы), первое отделение от родителей (отдельное проживание минимум три месяца подряд), первое партнерство (незарегистрированный союз с совместным проживанием), первый брак (зарегистрированный союз) и первое деторождение.

Мы объединили эти пять событий в два блока или домена: социоэкономический (профессиональное образование и отделение от родителей) и демографический (первые партнерства, браки и деторождения). Данные были подготовлены так, что партнерства и браки – это взаимоисключающие союзы, поэтому в один момент времени респондент может состоять только в одном союзе.

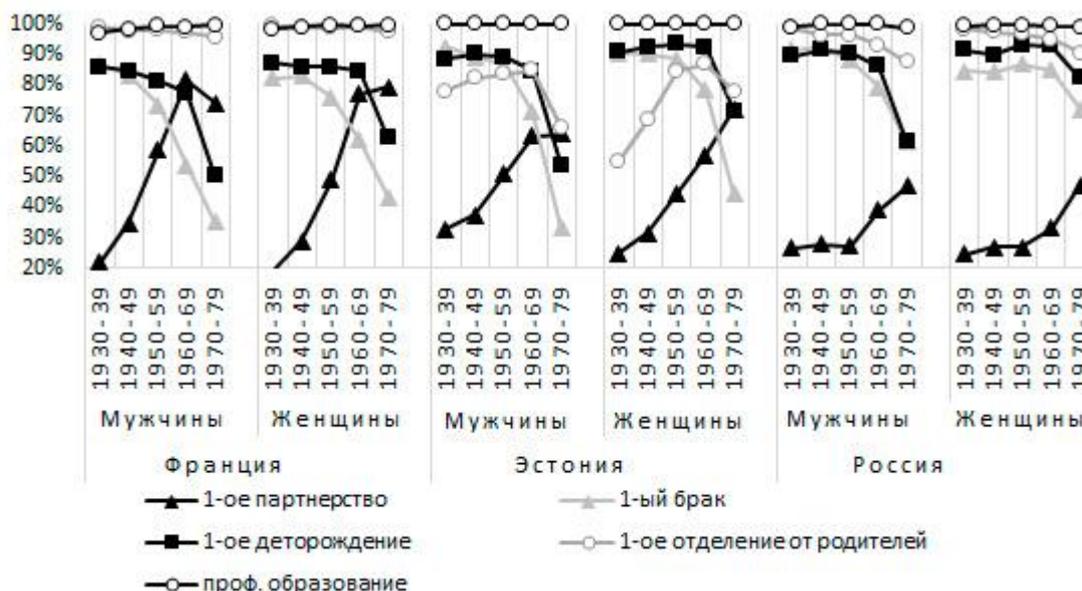
Для изучения взросления мы выбрали интервал между 15 и 35 годами. 15 лет – это принятый в демографии возраст потенциального начала репродуктивного поведения. Возраст 35 лет был выбран в качестве «верхней границы» перехода к взрослой жизни, потому что наши предыдущие исследования (Mitrofanova 2016; Mitrofanova, Artamonova 2016) показали, что к 35 годам у большинства россиян происходят почти все первые события. Мы также предполагаем, что у европейцев, как правило, к этому возрасту наступают по крайней мере социоэкономические события (Blum et al. 2009; Blum, Sebille, Zakharov 2009; Ferrari, Pailhé 2016; Rahn, Puur, Sakkeus 2016).

Анализ

Календари и последовательности наступления событий

Предварим анализ изучением показателя *структуры* (рисунок 2), который позволяет оценить, насколько каждое событие распространено у конкретного поколения в конкретной стране. Расчет произведен по состоянию на момент опроса, что будет учтено при интерпретации.

Рисунок 2. Доли респондентов, у которых наступили стартовые социодемографические события жизни, в разрезе стран, гендера и поколений, %

Источник: Составлено автором по гармонизированным данным первых волн ЕЭК ООН «Поколение и гендер» для Франции, Эстонии и России.

На рисунке 2 видно, что есть несколько универсальных событий, которые на момент опроса обрело почти 100% респондентов: сюда относятся *социоэкономические* события, особенно получение профессионального образования. Отделение от родителей – также универсальное событие для французов; у россиян оно распространено на уровне почти 90% и выше; а вот эстонцы покидают родительский дом менее активно, гендерно и поколенчески различно.

Блок *демографических* событий располагается ниже, чем блок социоэкономических событий, что говорит об их меньшей распространенности. Доля партнерств растет во всех странах при движении от более старших к более молодым поколениям. Самую стремительную динамику демонстрирует Франция: с 20% до почти 80%, а самый скромный рост – Россия: с 25-27 до 47%. То есть во Франции и Эстонии партнерство уже интегрировано в переход во взрослую жизнь у поколений 1960-69 и 1970-79 г.р., а в России партнерства набирают популярность значительно медленнее.

Тенденция в браках противоположна тенденции в партнерствах: во Франции и Эстонии показатели рухнули с 80-90% в самых старших поколениях до 30-40% в самых молодых. В России распространенность браков сохраняется на довольно высоком уровне 60-70%, что превышает показатели партнерств.

Что касается деторождения, во всех трех странах также наблюдается снижение его долей и их «открепление» от брачности. Разумеется, нужно помнить, что самым молодым респондентам всего 25 лет, и у них впереди много времени для реализации своих репродуктивных и matrimониальных намерений, поэтому нельзя говорить, что если событие отсутствует, то это потому, что молодые люди отказываются вступать в брак и заводить детей, так как это может быть просто результатом откладывания демографических событий.

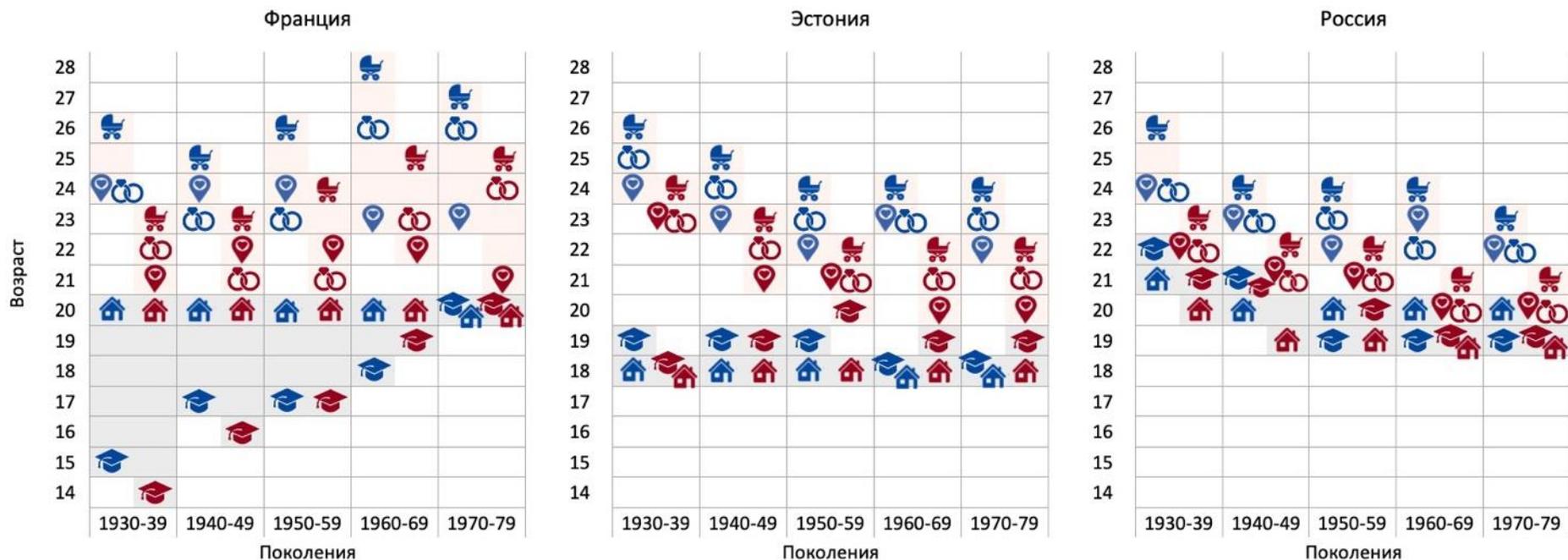
Для построения *календарей* стартовых событий мы рассчитали медианные возрасты наступления этих событий и представили их в виде пиктограмм на двумерной оси координат, где по оси X по возрастанию расположены поколения, а по оси Y – возрасты от 14 до 28 лет (границы оси сформированы эмпирически) (рисунок 3). Такой вид визуализации восходит к нашим предыдущим способам графического анализа (Митрофанова 2019b; 2020), но в данной версии – упрощенно, без наклонных осей сетки Лексиса.

Графический анализ позволяет выделить закрепившиеся паттерны в переходе во взрослую жизнь. Прежде всего, во всех странах взросление начинается с *социальноэкономических* событий.

Во Франции для всех поколений, кроме самого молодого, сначала идет завершение профессионального образования (в очень ранних по сравнению с другими странами возрастах от 14 до 19 лет), а затем – отделение от родителей, причем медиана для всех поколений – ровно 20 лет. Мы полагаем, что это объясняется универсальной для французов социальной нормой, что дети, достигшие 18 лет, должны жить отдельно. В 2001 и 2019 г. во Франции даже вышел сиквел «Tanguy», в котором показана работа этой соционормативной установки; имя главного героя Тонги даже стало нарицательным, и теперь так иронично зовут тех, кто задерживается в родительском доме.

В Эстонии и России наиболее раннее событие – отделение от родителей, но у некоторых поколений, особенно молодых, самым ранним может быть получение образования. Два этих события располагаются в календаре очень близко друг к другу, что может говорить об их взаимовлиянии и взаимосвязи. Мы уже исследовали вопрос покидания родительского дома россиянами (Долгова, Митрофанова 2015) и выявили, что, несмотря на тайминговое единство наступления этих событий, за ними могут стоять разные причины: у более старших поколений мужчин отделение от родителей могло происходить вследствие службы в армии или в связи с обязательным распределением на работу после получения образования, а у женщин чаще всего отделение происходило после вступления в брак – как вероятный переезд в дом мужа. В молодых поколениях стало больше образовательной мобильности и появился новый способ проживания – в одиночку, без семьи и друзей, что стало возможным благодаря появлению более гибкого рынка жилья и расширению возможностей его арендовать. Так как старшие эстонские поколения, как и российские, выросли в условиях советских коридоров возможностей, то схожесть паттернов взросления может объясняться именно общим контекстом.

Рисунок 3. Календари наступления стартовых социодемографических событий жизни в разрезе стран, гендера и поколений

Условные обозначения:

Пол

- мужчины
- женщины

Медианные возрасты наступления событий

- профессиональное образование
- 1-ое отделение от родителей
- 1-ое партнерство
- 1-ый брак
- 1-ое деторождение

Источник: Составлено автором по гармонизированным данным первых волн ЕЭК ООН «Поколение и гендер» для Франции, Эстонии и России.

После блока социоэкономических событий наступают *демографические* события, но мы сначала рассмотрим брак и деторождение, а потом – партнерство. У жителей Франции медианные возрасты браков всегда ниже, чем медианы деторождений. В то же время протогенетический интервал (промежуток времени между вступлением в брак и рождением ребенка), судя по графику, варьируется, то расширяясь до трех лет, то сужаясь до одного года. Мы видим в этом влияние менявшейся семейной политики, которая претерпела достаточно много изменений за последние 100 лет (Frejka et al. 2008; Sobotka, Toulemon 2008). В самом молодом поколении тенденция к откладыванию деторождений как будто прерывается, но это лишь следствие молодости респондентов, которые еще не успели реализовать свои репродуктивные намерения.

У жителей Эстонии и России браки и деторождения, равно как и социоэкономические события, снова наступают схожим пассажем: совпадает и хронология (сначала брак, а примерно через год – деторождение), и тайминг: у мужчин первый ребенок появляется в 24-25 лет, а у женщин – в 21-23 года. Омоложение возрастов деторождения у российских женщин 1960-69 и 1970-79 г.р. объясняется, прежде всего возможным цензурированием событий (не все респонденты еще дожили до тех возрастов, в которых они намеревались заводить первого ребенка). Однако, как мы знаем из дальнейшей судьбы этих поколений (Митрофанова 2019b; 2020), дело было не столько в цензурировании (хотя мы его здесь явно наблюдаем из показателей структуры), сколько в специфичном времени взросления этих поколений, особенно самого молодого. Однозначное неодобрение добрачных отношений, присущее советскому дискурсу, сменилось либерализацией общественных взглядов относительно сексуальной жизни людей в 80-90-е годы XX века. В условиях отсутствия эффективной контрацепции (Тольц 1974; Popov, Visser, Ketting 1993; Троицкая и др. 2010) раннее начало сексуальной жизни приводило к неизбежному всплеску ранних деторождений и браков (Захаров 2007: 81-82). И действительно, женщины 1970-79 г.р. показывают самые ранние возрасты рождения первого ребенка в сравнении не только со своими соотечественниками, но также с французами и эстонцами.

Особняком в демографическом поведении стоит партнерство как неформальный союз, незарегистрированный в государственных органах. Несмотря на некоторое распространение, оно не было включено в нормативные практики взросления ни в советских республиках, ни за «железным занавесом», где выросли французы. Изменение отношения к добрачным союзам в СССР, как мы упоминали, началось в 1980-90-е годы, а общим спусковым крючком для всех трех стран явились молодежные бунты в Европе и Америке, достигшие кульминации в 1968 г., и последовавшие далее гендерная, образовательная, сексуальная и контрацептивная революции (Захаров, Сакевич 2007; Кон 2010). Из поколений 1930-39, 1940-49 и 1950-59 г.р. когда-либо состояли в партнерстве максимум 60% французов, 50% эстонцев и 30% россиян. Поэтому партнерства на рисунке 3 имеют такую «мерцающую» позицию: у них нет ни своего четкого тайминга, ни своей позиции относительно других событий.

Графики на рисунке 3 хорошо отображают тайминг наступления отдельных событий, но, когда пиктограммы выстраиваются в композицию, мы видим не вполне корректную последовательность, ведь события, которые есть уже у всех представителей конкретного поколения, соседствуют с теми, которые есть лишь у части этого поколения. В результате последний тип событий демонстрирует нам свою промежуточную позицию, которая выглядит более ранней, чем при итоговой оценке.

Для того, чтобы полноценно и корректно изучить *последовательность* наступления событий, мы использовали метод анализа последовательностей (АП). Мы работаем с пятью событиями, каждое из которых имеет шесть возможных статусов: оно может наступить или не наступить, наступить одновременно с одним, двумя, тремя и четырьмя событиями. Количество комбинаций является настолько большим, что внятно визуализировать их не представляется возможным. Для сокращения комбинаций мы разработали алфавит, состоящий из трех «доменов»:

- на первой позиции у статуса всегда указано состояние в брачно-партнерской сфере: отсутствие союзов (S), 1-ое партнерство (P), 1-ый брак (M);
- на второй позиции указано состояние в репродуктивной сфере (оно обозначается двумя символами): отсутствие детей (C0) и 1-ое деторождение (C1);
- на третьей позиции – состояние в социоэкономической сфере: отсутствие событий в этой сфере (N), только профессиональное образование (E), только 1-ое отделение от родителей (L), сначала образование, а потом – отделение (EL), сначала отделение, а потом – образование (LE), образование и отделение одновременно (E&L);
- отдельный случай – цензурирования, т. е. когда респондент еще не достиг того возраста, который представлен на графике.

После того, как был разработан алфавит, упрощающий и сокращающий количество комбинаций, каждому статусу был назначен цвет. Палитру подбирали так, чтобы цветами отображать наличие демографических событий, а насыщенностью цветов – наличие социоэкономических событий (таблица). Такое разделение индикаторов возможно, т. к. социоэкономические события наступают раньше демографических, и их вариативность будет отчетливо видна в рамках синей и голубой палитры, когда демографических событий еще не произошло.

Таблица. Цветовая кодировка статусов

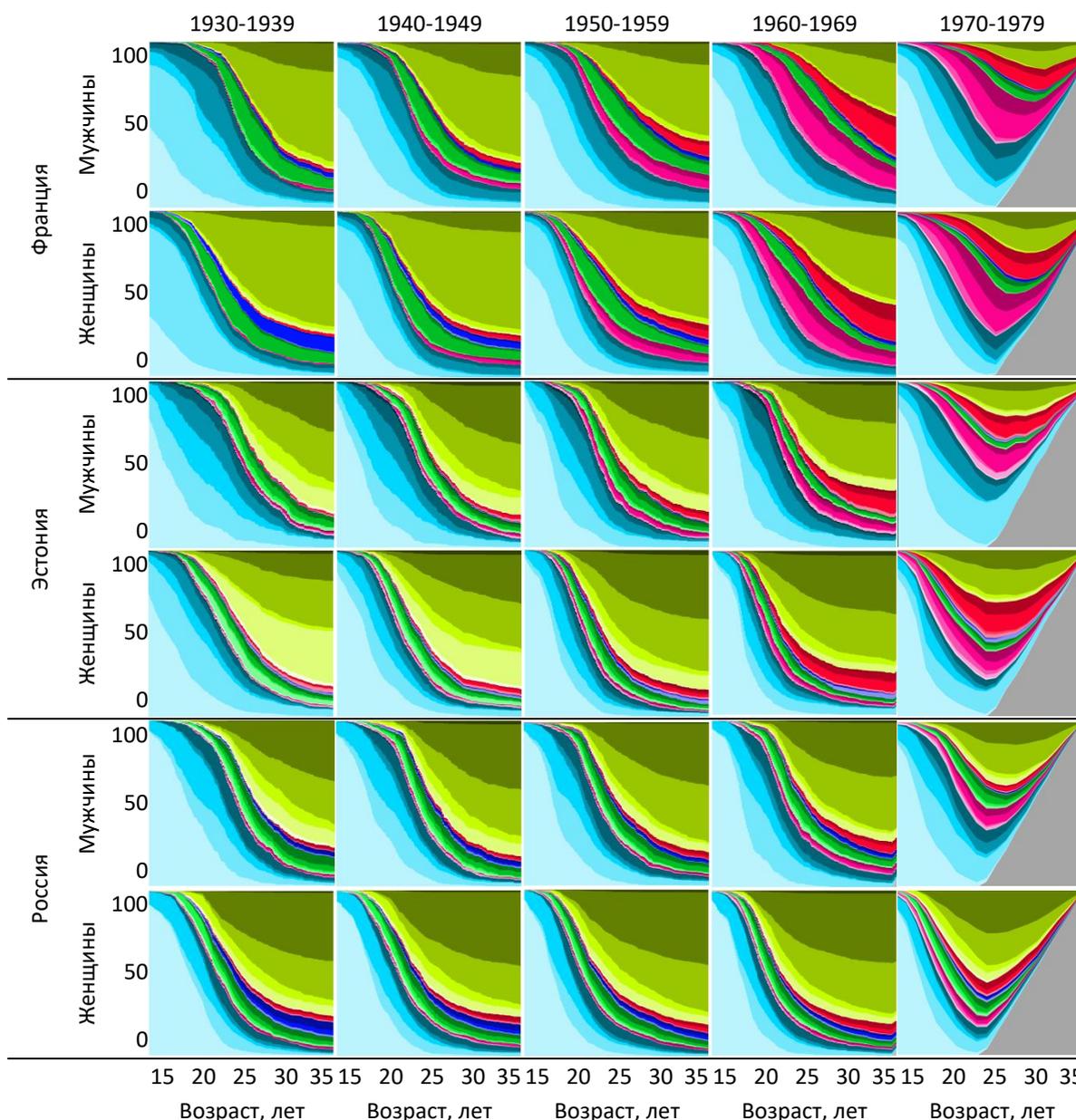
Социоэкономические события	Демографические события					
	отсутствие детей (C0)			1-ое деторождение (C1)		
	отсутствие союзов (S)	1-ое партнерство (P)	1-ый брак (M)	отсутствие союзов (S)	1-ое партнерство (P)	1-ый брак (M)
отсутствие социоэкономических событий (N)	SC0N	PC0N	MC0N	SC1N	PC1N	MC1N
профессиональное образование (E)	SC0E	PC0E	MC0E	SC1E	PC1E	MC1E
1-ое отделение от родителей (L)	SC0L	PC0L	MC0L	SC1L	PC1L	MC1L
образование → отделение (EL)	SC0EL	PC0EL	MC0EL	SC1EL	PC1EL	MC1EL
отделение → образование (LE)	SC0LE	PC0LE	MC0LE	SC1LE	PC1LE	MC1LE
образование и отделение одновременно (E&L)	SC0E&L	PC0E&L	MC0E&L	SC1E&L	PC1E&L	MC1E&L
цензурирования						

Источник: Составлено автором.

На рисунке 4 представлены хронограммы для разных поколений мужчин и женщин во Франции, Эстонии и России. Хронограммы показывают доли людей (ось Y) с

определенными статусами на каждый момент времени (ось X) в интервале возрастов от 15 до 35 лет. Для нашего анализа мы использовали только те события, которые открывают демографические и социоэкономические биографии. Например, для первого партнерства или брака мы использовали только даты начала первых союзов и не использовали даты их завершения. Браки и партнерства в данном исследовании взаимоисключающие, поэтому в один момент времени можно состоять только в одном типе союза. Точные доли каждого статуса в возрасте 15, 25 и 35 лет представлены в таблице П1 Приложения. Мы удалили строки, где доли во всех ячейках составляли менее 3%.

Рисунок 4. Хронограммы для стартовых социодемографических событий жизни, в разрезе стран, гендера и поколений, %

Источник: Составлено автором по гармонизированным данным первых волн ЕЭК ООН «Поколение и гендер» для Франции, Эстонии и России.

Социоэкономическое поведение в начале перехода во взрослую жизнь достаточно похоже у разных поколений: в возрасте 15 лет у большинства преобладает самый светлый

голубой цвет, который обозначает отсутствие каких-либо событий. Чем старше поколения, тем больше у них было событий в ранних возрастах. У жителей Франции, родившихся в 1930-39 гг., к возрасту 15 лет наблюдается достаточно большая доля тех, кто уже получил профессиональное образование (40-50%). Среди жителей Эстонии того же поколения доля завершивших образование меньше (15-20%), а среди жителей России большей популярностью у старшего поколения пользовалось уже покинуть родительский дом, но доля весьма скромная (6-8%). При движении к молодым поколениям наблюдается рост «бессобытийных» статусов в раннем возрасте, что говорит о некотором откладывании начала перехода во взрослую жизнь.

К возрасту 25 лет наблюдается максимальное разнообразие статусов во всех разрезах, и АП позволяет увидеть, какую траекторию для взросления избирают разные респонденты.

Все респонденты, отделившиеся от родителей до получения образования, в основном сделали это до 25 лет. Среди французских поколений мужчин с 1930-39 по 1960-69 г.р. доля таковых колеблется в районе 25-30%, а мужчины 1970-79 г.р. отделяются от родителей более активно: к 25 годам эта доля составляет уже 37%. Среди французских женщин более старших поколений только 15% предпочитали сначала съезжать от родителей, в то время как среди самых молодых женщин этот показатель в три раза выше.

В Эстонии результаты значительно флуктуируют в зависимости от гендера и поколения: к 25 годам больше всего респондентов, предпочитающих сначала отделиться от родителей, а потом завершить образование, среди мужчин 1940-49 г.р. (44%) и женщин 1960-69 г.р. (47%). Динамика молодых эстонских мужчин и женщин противоположна: мужчины стремятся сначала закончить образование, в то время как женщины стремятся сперва съехать от родителей.

В России межпоколенческие тенденции отличаются от тенденций других стран. В самых старших поколениях доля людей, съехавших от родителей до завершения образования, составляла 50% для обоих полов. Это очень высокая доля по сравнению с Францией и Эстонией; мы считаем, что она обусловлена политической, социальной и экономической средой СССР в середине прошлого века. Эти условия складывались из следующих явлений:

- непрерывная урбанизация стимулировала переезд молодых и активных людей из сельской местности на учебу или работу в города;
- были более широкие возможности получить квартиру от государства;
- существовало несколько инструментов принудительной миграции, таких как: служба в армии, обязательное направление на работу после учебы и мобилизация для «масштабных проектов развития» (например, освоение целины и нефтегазовых районов, строительство Байкало-Амурской магистрали и др.);
- гендерные роли все еще оставались очень традиционными в большей части общества, поэтому женщины были склонны выходить замуж в молодом возрасте и переезжать из родительского дома в дом мужа.

Все эти причины могут привести к тому, что обозначенная нами выше половина поколения отделялась от родителей в раннем возрасте и до наступления других событий.

Ситуация начала меняться в самых современных поколениях: 36% мужчин и 48% женщин, родившихся в 1970-79 гг., оставили родителей до завершения образования. Мы считаем, что это снижение долей для мужчин может быть следствием уменьшения доли тех, кто служит в армии. В целом, у обоих полов снижение долей может быть связано с тем, что получить собственную квартиру стало гораздо сложнее – люди могут либо купить, либо арендовать ее, поэтому им необходимы финансовые ресурсы, которые могут быть недоступны в молодом возрасте. Однако, по сравнению с другими странами, российские женщины очень интенсивно отделяются от своих родителей. Можно предположить, что это связано с тем, что некоторые модели традиционного брачного поведения все еще распространены среди женщин.

К *возрасту 35 лет* синих оттенков на хронограмме практически не видно. Это говорит о том, что социоэкономические события «вмешались» в палитру демографических цветов (их индикация – насыщенность демографической палитры). Из рисунков 2 и 3 мы знаем, что социоэкономические события обретаются почти всеми респондентами в довольно ранних возрастах – примерно к 25 годам, поэтому наиболее активное их «накопление» – это первые 10 лет после начала перехода во взрослую жизнь, что и отражают хронограммы.

Теперь опишем изменения в *демографическом* поведении. Сокращение синих цветов на хронограммах показывает переход от одиночества к союзам. Плавный рост начинается примерно в 20 лет, и к 35 годам респондентов, не имеющих опыта хотя бы одного партнерства или брака, практически не остается.

Наиболее интересным является перераспределение долей союзов от браков к партнерствам. Во Франции такой переход начался в поколении 1950-59 г.р.; в Эстонии – 1960-69 г.р.; в России – 1970-79 г.р. Это нарастание красных цветов и убавление зеленых визуально демонстрирует, как происходил второй демографический переход (ВДП) в трех представленных странах. Мы видим примерно 10-летние лаги в тенденциях между Францией и Эстонией, Эстонией и Россией. Это подтверждает предыдущие исследования демографов (Frejka, Zakharov 2012; Puur et al. 2012a; Puur et al. 2012b).

Как и социоэкономические события, партнерства достигают пика примерно к 25 годам. К *возрасту 25 лет* доля тех, кто состоит в сожительстве, среди самых старших поколений французов составляла около 3%, а в молодых поколениях выросла до 44-47%, т. е. почти в 15 раз! Для жителей Эстонии изменения с 6% в старших поколениях до 33-39% в молодых, и для жителей России – примерно с 5 до 15%.

Браки достигают пика к завершению перехода во взрослую жизнь. К *25 годам* доля вступивших в брак среди французских мужчин старшего поколения – 51%, а среди мужчин младшего поколения – 11%. К *возрасту 35 лет* эти показатели составили 83% среди старшего поколения против 49% для поколения 1960-69 г.р.⁴ Среди французских мужчин снижение доли браков очень резкое, но среди французских женщин оно менее выражено: с 65% в возрасте 25 лет в старшем поколении до 23% в младшем поколении; с 81% в *возрасте 35 лет* в старшем поколении до 60% в поколении 1960-69 г.р.

---

⁴ Мы не можем адекватно сравнить самое старшее поколение с самым молодым в возрасте 35 лет из-за цензурирования, поэтому в возрасте 35 лет мы сравним самое старшее поколение с теми, кто родился в 1960-69 гг.

Среди жителей Эстонии такие же доли у мужчин в *возрасте 25 лет*: 44% против 23%; в *возрасте 35 лет* – 88% против 69%. Среди женщин эти доли составляют 61% против 36% и 88% против 76%. Для российских мужчин доли составляют 53% против 48% и 87% против 76%; для женщин – 65% против 63% и 82% против 82%.

Доля женатых респондентов в старшем поколении почти одинакова в трех странах, но доли женатых людей в младших поколениях сильно различаются, особенно в *возрасте 25 лет*. Во Франции брак обычно откладывается до второй половины перехода во взрослую жизнь, и даже там его доля сильно снижается. Наибольшие изменения наблюдаются среди французских мужчин, в то время как российские женщины практически не демонстрируют изменений.

Союзы без детей (розовый цвет для партнерства и первая зеленая палитра для брака) меняют свой тип от поколения к поколению. Если в старших поколениях респонденты предпочитали регистрировать брак, даже если у них не было детей, то современные поколения предпочитают партнерство как первый и бездетный союз. На данный момент только Франция и Эстония наглядно демонстрируют это изменение. В России эта трансформация лишь началась.

Доли деторождений нарастают быстрее, чем количество браков. Одной из причин является рост внебрачного деторождения (в таблице П2 Приложения приведены точные доли). Красной палитрой обозначены партнерства и наличие хотя бы одного ребенка, а второй зеленой палитрой – состояние в первом браке и наличие хотя бы одного ребенка.

Деторождение в одиночестве было не популярно среди старших поколений и еще больше теряет свою привлекательность среди молодежи. Доля таковых в *возрасте 35 лет* снизилась с 4 до 2-3% у мужчин и с 9-10 до 3-4% у женщин во Франции и России. У эстонцев доля рождения в одиночестве в *возрасте 25 лет* увеличилась с 1-2 до 2-3%, но почти исчезла к *35 годам*. Люди предпочитают рожать детей в союзе.

Доля деторождений в партнерских отношениях значительно снизилась среди французов. В *возрасте 25 лет* только 2% представителей старшего поколения заводили детей в партнерских отношениях, тогда как для поколения 1970-79 г.р. эта доля выросла до 7%. В *возрасте 35 лет* доля для старшего поколения составляла 2%, а для поколения 1960-69 г.р. годов – 25%. Среди французских женщин при движении от старших к молодым поколениям доля в *возрасте 25 лет* выросла с 1 до 13%, а в *возрасте 35 лет* – с 2 до 22%. Таким образом, доли французских мужчин и женщин, родивших ребенка в партнерстве, увеличились в 10 раз, что совпадает с ростом числа партнерских отношений и свидетельствует о том, что люди воспринимают партнерство как альтернативу браку.

Для жителей Эстонии также характерен рост числа тех, кто заводит детей в партнерствах. Срез статусов показывает, что доли выросли с 1% среди старшего поколения в *возрасте 25 лет* до 14% среди самого молодого; а в *возрасте 35 лет* – с 2% среди старшего поколения до 16% среди поколения 1960-х годов. Для женщин изменение составило с 3 до 22% и с 4 до 13% соответственно. Для российских мужчин рост составил с 1 до 4% и с 3 до 7%; а для женщин – с 3 до 9% и с 4 до 6%. Поведение эстонцев по этому параметру гораздо ближе к поведению французов, чем россиян.

Противоположная тенденция прослеживается в браках: за исключением российских женщин, все остальные группы в нашем исследовании демонстрируют снижение

рождений в браке. Это снижение также совпадает со снижением числа браков, поэтому наибольший спад мы наблюдаем у французских мужчин.

Обсуждение результатов

В работе представлены два дополняющих друг друга метода анализа стартовых событий жизни, маркирующих переход во взрослую жизнь.

Первый подход – выстраивание *календарей* событий на основе медианных возрастов их наступления. При использовании этого метода лучше анализировать не цепочки событий (так как отсортированные по возрастанию медианы могут не отражать реальной очередности событий), а сравнивать одни и те же события в разных поколениях.

Мы применили авторский способ визуализации медиан и увидели повторяющиеся паттерны в наступлении стартовых событий. Во Франции все поколения отделяются от родителей в медианный возраст 20 лет, в Эстонии завершение образования и отделение от родителей происходят в 18-19 лет, а в России – в возрасте 19-22 года. Браки и деторождения у французов наступают после 21-28 лет, причем чем моложе поколение, тем выше возрасты. В Эстонии и России, напротив, произошло омоложение демографического пассажа событий при движении от поколений 1930-39 г.р. к поколениям 1970-79 г.р.

То есть однозначного движения в сторону откладывания событий мы не видим: социоэкономические события зафиксированы социальными нормами, практиками и работой социальных институтов. Единственное, что явно поменялось – получение профессионального образования для французов: оно шагнуло из медианы в 14-15 лет в возраст 20 лет. Это говорит об увеличении периода получения образования, который мы будем также наблюдать у россиян, учившихся в школе уже после распада СССР (Митрофанова 2019b; 2020).

Демографические события меняют свою позицию в календаре с разным знаком: во Франции происходит откладывание, подтверждающее прохождение Второго демографического перехода (ВДП) через биографии французов, родившихся после 1940 г. А поколения с советским опытом социализации, взрослевшие в Эстонии и России, показывают схожесть демографических траекторий: в них пока не только не видно откладывания событий, но даже наблюдается небольшое омоложение. Это отклонение от общего для европейских стран прохождения ВДП говорит о том, что на модернизирующиеся демографические представления и поведения наложились эффекты периода, связанные с изменением отношения к брачно-партнерской сфере, добрачным союзам, а также отсутствием эффективной контрацепции в период сразу после распада СССР. Также стоит помнить, что в Эстонии проживает большое число русского и русскоязычного населения, что может обуславливать близость Эстонии и России по ряду параметров.

Календари событий демонстрируют не только тайминг наступления событий, но и в определенной мере – их порядок, но так как не для всех поколений изучаемые события уже произошли на момент опроса, очередность событий является предварительной. Гораздо точнее для этих целей работает второй примененный нами подход – анализ *последовательностей* событий (АП). При работе с АП все цепочки событий сначала выстраиваются на уровне каждого индивида и только затем усредняются.

Хронограммы, отображающие «поток» статусов в течение жизни каждого поколения, подтверждают имеющиеся эмпирические свидетельства того, что распространенность и последовательность наступления стартовых событий у россиян меняется (Захаров 2009; Mills 2004; Potârca, Mills, Lesnard 2013). Красные цвета на хронограммах очень наглядно показывают переход к новым формам семейной жизни, где партнерство становится не только распространенным событием, с которого начинается демографическая траектория, но и союзом, в котором происходит рождение детей.

Наиболее примечательно, как планомерно происходит это обновление моделей от поколения к поколению, от страны к стране: начинается с французов 1950-59 г.р., затем появляется у эстонских мужчин 1960-69 г.р., у эстонских женщин примерно на 5 когорт позднее, у российских мужчин 1970-79 г.р. и, как мы знаем из дальнейшей судьбы более молодых поколений, у российских женщин 1980-86 г.р. (Митрофанова 2019b; 2020). Такая «стадиальность» изменений подтверждает предыдущие демографические исследования, указывающие, что лаг в наступлении ВДП между западной и восточной Европой составляет 15-20 лет, а между западной Европой и Россией – 20-25 лет (Puur et al. 2012a; Puur et al. 2012b).

Заключение

Методологический фокус работы был выстроен вокруг репрезентации календарей и последовательностей наступления стартовых событий жизни, маркирующих переход во взрослую жизнь во Франции, Эстонии и России. Мы показали, что только анализа медианных возрастов событий недостаточно для того, чтобы получить информацию о тайминге и композиции их наступления. Анализ последовательностей (Sequence Analysis) позволяет «достроить» наши представления о времени и порядке наступления событий за счет сравнения разных поколений в сопоставимых возрастах.

Эвристический фокус работы был выстроен вокруг демографических теорий, обобщающих изменения в поведении европейцев последнего столетия. Анализ календарей не дал однозначных подтверждений наличия тенденций ВДП в трех рассматриваемых странах, так как со всей очевидностью откладывание демографических событий происходит только во Франции. В Эстонии и России при движении от поколений 1930-39 г.р. к поколениям 1970-79 г.р. происходило омоложение событий. Медианные возрасты не дают возможности понять, является ли такой результат «слепой зоной» метода (так как мы работаем с незавершенными биографиями у молодых поколений, находящихся в переходных состояниях) или же на самом деле происходит сдвиг событий к ранним возрастам.

Анализ последовательностей прояснил картину. Стартовые события стали выстраиваться по-другому. В поколении 1930-39 г.р. видны доминанты и в социоэкономическом поведении (во Франции и Эстонии старт взросления начинается с получения образования, а в России – с отделения от родителей), и в демографическом поведении (сначала заключаются браки, а следом происходят деторождения). У молодых поколений наступление всех событий внутри одного домена становится почти равновероятным.

В домене демографического поведения роль партнерств в течение первого десятилетия жизни становится значимее, а брак откладывается на более поздние возрасты.

Создается ощущение, что выстраивается последовательность «партнерство→брак→деторождение», но это не всегда так. Мы видим, как сцепка брака и деторождения размыкается, а партнерство становится «детопригодным» союзом. Партнерство постепенно встраивается в нормативный сценарий взросления сначала во Франции в поколениях 1950-59 г.р., поколение спустя – в Эстонии и еще поколение дальше – в России, что подтверждает предыдущие исследования демографов (Puur et al. 2012a; Puur et al. 2012b). За счет добавления партнерств и усиления позиций профессионального образования жизненные пути у каждого нового поколения становятся все более вариативными, что подтверждает предположения концепции жизненного пути (Giddens 1994; Heinz, Marshall 2003; Huinink 2013).

Анализ последовательностей демонстрирует конвергенцию паттернов взросления у французов, эстонцев и россиян по направлению от «традиционной» модели взросления (ранней, сжатой и простой) к «современной» (поздней, растянутой, сложной) (Billari, Liefbroer 2010). Однако эта конвергенция идет не одновременно в трех рассматриваемых странах, а с лагом запаздывания на одно-два поколения, что приводит нас к двум объяснительным схемам.

Первое объяснение – инерция моделей, которые были изначально присущи населению вместе с текущей социально-демографической политикой. Франция и Эстония находятся слева от линии Хайнала (Hajnal 1965), Россия – справа; Эстония 50 лет входила в состав СССР и имеет большую долю русскоязычного населения, поэтому неудивительно, что во Франции паттерны взросления наиболее «современные», в России – наиболее «традиционные», а Эстония занимает срединную позицию.

Второе объяснение – влияние эффекта периода. Современная модернизация демографического поведения в Эстонии и России происходила не совсем так, как в европейских странах, потому что случилась позже и совпала с распадом политической и экономической системы СССР или, вернее, была инициирована этим процессом, когда либерализующиеся сексуальные и брачно-партнерские практики (Кон 1997; Голод 2005; Денисенко, Далла Зуанна 2001; Захаров 2007: 81-82) столкнулись, в частности, с недоступностью эффективной контрацепции (Тольц 1974; Троицкая и др. 2010; Роров, Visser, Ketting 1993), что в определенных социальных слоях на начальных этапах могло проявиться не в откладывании демографических событий, а в более раннем возрасте их наступления.

«Эффект колеи» и эффект периода, как мы полагаем, присутствуют одновременно, и декомпозировать их влияние – отдельная интересная задача, которую можно взять за основу в последующих исследованиях закономерностей перехода во взрослую жизнь.

Литература

- Голод С.И. (2005). *Что было пороками, стало нравами. Лекции по социологии сексуальности*. Москва: Ладомир.
- Вишневский А.Г. (Ред.) (2006). *Демографическая модернизация России, 1900-2000*. Москва: Новое издательство.
- Денисенко М.Б., Далла Зуанна Ж.-П. (2001). Сексуальное поведение российской молодежи. *Социологические исследования*, 2, 83–87.
- Денисенко М.Б., Калмыкова Н.М. (2007). *Демография: Учебное пособие*. Инфра-М.

- Долгова А.А., Митрофанова Е.С. (2015). Отделение от родительской семьи в России: Межпоколенческий аспект. *Экономическая социология*, 16(5).
- Захаров С.В. (2007). Трансформация брачно-партнерских отношений в России: «золотой век» традиционного брака близится к закату? В Т.М. Малева, О.В. Синявская (Ред.) *Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. По материалам одного исследования*. Сб. аналитических статей. Выпуск 1. (с. 75-127). Москва: НИСП.
- Захаров С.В. (2009). Ценностно-нормативные «расписания» человеческой жизни: Представления жителей разных стран о том, когда девушка становится взрослой. В *Россия в Европе*. В А.В. Андреевкова, Л.А. Беляева (Ред.) *Россия в Европе. По материалам международного сравнительного социологического проекта «Европейское социальное исследование»* (с. 347–379). Москва: Academia.
- Захаров С.В., Сакевич В.И. (2007). Особенности планирования семьи и рождаемость в России: Контрацептивная революция—Свершившийся факт? В Т.М. Малева, О.В. Синявская (Ред.) *Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе. По материалам одного исследования*. Сб. аналитических статей. Выпуск 1. (с. 127-170). Москва: НИСП.
- Кокс Д.Р., Оукс Д. (1988). *Анализ данных типа времени жизни*. Москва: Финансы и статистика.
- Кон И.С. (1997). *Сексуальная культура в России: Клубничка на березке*. Москва: ОГИ.
- Кон И.С. (2010). Три в одном: Сексуальная, гендерная и семейная революции. *Демоскоп Weekly*, 447–448. <http://www.demoscope.ru/weekly/2010/0447/analit05.php>
- Митрофанова Е.С. (2016). Перспективы применения анализа последовательностей: Пример перехода во взрослую жизнь. В *Социология и общество: Социальное неравенство и социальная справедливость (Екатеринбург, 19-21 октября 2016 года)*. Материалы V Всероссийского социологического конгресса. Российское общество социологов, 9591–9600. <https://publications.hse.ru/chapters/197808392>
- Митрофанова Е.С. (2019а). *Социодемографические аспекты перехода во взрослую жизнь россиян 1930-1986 г.р.* Диссер. ... канд. соц. наук. Москва: НИУ ВШЭ.
- Митрофанова Е.С. (2019b). Модели взросления разных поколений россиян. *Демографическое обозрение*, 6(4), 53–82. <https://doi.org/10.17323/demreview.v6i4.10427>
- Митрофанова Е.С. (2020). (Не)время взрослеть: Как меняется возраст наступления дебютных биографических событий у россиян. *Демографическое обозрение*, 7(4), Article 4. <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i4.12043>
- Митрофанова Е.С., Артамонова А.В. (2015). Особенности подготовки данных о событиях жизненного пути к анализу продвинутыми статистическими методами. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. <https://publications.hse.ru/articles/153629657>
- Рождественская Е.Ю. (2012). *Биографический метод в социологии*. Москва: Издательский дом ВШЭ.

- Тольц М.С. (1974). Характеристика некоторых компонентов рождаемости в большом городе. В Д.И. Валентей (Ред.) *Демографический анализ рождаемости* (с. 45-55). Москва: Статистика.
- Троицкая И., Авдеев, А., Капанадзе Е., Третьякова В. (2010). Сравнительный анализ контрацептивного поведения: Франция, Грузия, Литва и Россия. В С.В. Захаров, Л.М. Прокофьева, О.В. Синявская (Ред.) *Эволюция семьи в Европе: Восток-Запад. По материалам исследования «Родители и дети, мужчины и женщины в семье и обществе»*. Сб. аналитических статей. Вып.3. (с.266-304).Москва: НИСП.
- Тындик А.О., Митрофанова Е.С. (2014). Социально-экономическое поведение индивида в зеркале концепции жизненного пути. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 3(121), 146–159.
- Abbott A., Tsay A. (2000). Sequence Analysis and Optimal Matching Methods in Sociology: Review and Prospect. *Sociological Methods & Research*, 29(1), 3–33.
- Aisenbrey S., Fasang A. (2007). Beyond optimal matching: The “second wave” of sequence analysis. *Working Paper 2007-02. New Haven: Center for Research on Inequalities and the Life Course, Yale University*. <http://www.academia.edu/download/25027695/ciqlewp2007-2.pdf>
- Aisenbrey S., Fasang A. E. (2010). New Life for Old Ideas: The «Second Wave» of Sequence Analysis Bringing the «Course» Back Into the Life Course. *Sociological Methods & Research*, 38(3), 420–462.
- Alwin D.F. (2012). Integrating Varieties of Life Course Concepts. *Journals of Gerontology*, 67(2), 206–220.
- Billari F.C. (2001). Sequence Analysis in Demographic Research. *Canadian Studies in Population*, 28(2), 439–458.
- Billari F.C., Hagestad G.O., Liefbroer A.C., Spéder Z (2005). *Question Module Design Team (ESS Round 3). Application Form: The Timing of Life: The Organization of the Life Course in Europe*. http://www.europeansocialsurvey.org/docs/round3/questionnaire/ESS3_billari_proposal.pdf
- Billari F.C., Liefbroer A.C. (2010). Towards a new pattern of transition to adulthood? *Advances in Life Course Research*, 15(2), 59–75.
- Billari F.C., Piccarreta R. (2005). Analyzing Demographic Life Courses through Sequence Analysis. *Mathematical Population Studies*, 12(2), 81-106.
- Blum A., Lefèvre C., Sebille P., Badurashvili I., Régnier-Loilier A., Stankuniene V., Sinyavskaya O. (2009a). Introduction: International Comparisons - France, Georgia, Lithuania and Russia. *Revue d'Etudes Comparatives Est-Ouest*, 40(3-4), 5–34.
- Blum A., Sebille P., Zakharov S.V. (2009b). A divergent transition to adulthood in France and Russia: A cohort approach. *Revue d'Etudes Comparatives Est-Ouest*, 40(3-4), 123–152.
- Buchmann M. (1989). *The script of life in modern society: Entry into adulthood in a changing world*. University of Chicago Press.
- Churilova E., Puur A., Rahnu L., Sakkeus L., Zakharov S. (2018). Fertility in Russia and Estonia: Differences among Russians in Russia and in Estonia and native Estonians. *Общественные науки и современность*, 4, 89–114. <https://doi.org/10.31857/S086904990000374-3>

- Elder Jr.G.H., Johnson M.K., Crosnoe R. (2003). The Emergence and Development of Life Course Theory. *Handbook of the Life Course*, 3–19.
- Espy IV T.H., Mitrofanova E.S. (2017). *Sequence Analysis of the Migration Biographies of Russians* (SSRN Working Paper ID 3071733). Social Science Research Network.
- Ferrari G., Pailhé A. (2016). Transition to adulthood in France: Do descendants of immigrants differ from natives? *Families and Societies. Working Paper Series*, 50, 1–38.
- Frejka T., Sobotka T., Hoem J.M., Toulemon L. (2008). Summary and general conclusions: Childbearing trends and policies in Europe. *Demographic research*, 19, 5–13.
- Frejka T., Zakharov S. (2012). Comprehensive analyses of fertility trends in the Russian Federation during the past half century. *Max Planck Institute for Demographic Research. Series «MPIDR Technical Report»*. No. WP2012-027. Rostock: MPIDR.
- Gauthier A.H., Cabaço S.L.F., Emery T. (2018). Generations and Gender Survey study profile. *Longitudinal and Life Course Studies*, 9(4), Article 4. <https://doi.org/10.14301/llcs.v9i4.500>
- Giddens A. (1994). Living in a post-traditional society. In *Reflexive Modernization; Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order* (pp. 56-109). Polity Press; Blackwell.
- Hajnal J. (1965). European marriage patterns in perspective. In *Glass DV, Eversley DE(Eds.) Population in history: Essays in historical demography* (pp. 101-143). Aldine Publishing Company. <https://www.popline.org/node/517620>
- Heinz W.R., Marshall V.W. (2003). *Social dynamics of the life course: Transitions, institutions, and interrelations*. Aldine de Gruyter.
- Huinink J. (2013). De-Standardisation or Changing Life Course Patterns? Transition to Adulthood from a Demographic Perspective. In *The Demography of Europe* (pp. 99-118). Springer Netherlands. https://doi.org/10.1007/978-90-481-8978-6_5
- Ignatov D.I., Mitrofanova E.S., Muratova A.A., Gizdatullin, D.K. (2015). Pattern Mining and Machine Learning for Demographic Sequences. In *Knowledge Engineering and Semantic Web: T. 6th International Conference, KESW 2015, Moscow, Russia, September 30-October 2, 2015, Proceedings* (225-243). Springer International Publishing. http://dx.doi.org/10.1007/978-3-319-24543-0_17
- Lesthaeghe R. (1995). The second demographic transition in Western countries: An interpretation. In *Gender and family change in industrialized countries* (pp.17-62). Clarendon Press.
- Levy R. (1997). Status passages as critical life-course transitions; a theoretical sketch. In *Theoretical Advances in Life Course Research* (pp. 74-86). Deutscher Studien Verlag.
- Levy R. (2005). Why Look at Life Courses in an Interdisciplinary Perspective? *Advances in Life Course Research*, 10, 3–32. [https://doi.org/10.1016/S1040-2608\(05\)10014-8](https://doi.org/10.1016/S1040-2608(05)10014-8)
- Levy R., Ghisletta P., Goff J.-M. L., Spini D., Widmer, E. (2005). Incitations for Interdisciplinarity in Life Course Research. *Advances in Life Course Research*, 10, 361–391. [https://doi.org/10.1016/S1040-2608\(05\)10013-6](https://doi.org/10.1016/S1040-2608(05)10013-6)
- Liefbroer A.C. (1999). From Youth to Adulthood: Understanding Changing Patterns of Family Formation from a Life Course Perspective. In *Population Issues* (pp. 53-85). Springer.

- Mills M. (2004). Stability and change: The structuration of partnership histories in Canada, the Netherlands, and the Russian Federation. *European Journal of Population*, 20(2), 141–175.
- Mitrofanova E.S. (2016). The Age Parameters of the Starting Demographic Events Across Russian Generations. *Russian Education, Society*, 58(9–10), 601–622.
- Mitrofanova E.S., Artamonova A.V. (2015). The sequence of life events of Russian men serving and not serving in the military. *Demographic Review, English Selection*, 97-126.
- Mitrofanova E.S., Artamonova A.V. (2016a). Studying Family Formation Trajectories' Deinstitutionalization in Russia Using Sequence Analysis. In *Proceedings of the Third Workshop on Experimental Economics and Machine Learning (EEML 2016), Moscow, Russia, July 18, 2016*. Т. 1627. CEUR Workshop Proceedings.
<https://publications.hse.ru/chapters/192893455>
- Mitrofanova E.S., Artamonova A.V. (2016b). The perspectives of family policy in Russia amid increasing cohabitation. *European Journal of Government and Economics*, 5(1), 47-63.
- Nugin R., Kannike A., Raudsepp M. (Ред.) (2016). *Generations in Estonia: Contemporary perspectives on turbulent times*. University of Tartu Press.
- Perelli-Harris B., Kreyenfeld M., Kubisch K., Sigle-Rushton W. (2009). *The harmonized histories*. Max Planck Institute for Demographic Research Working Paper. Rostock: MPIDR.
<http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.615.8827&rep=rep1&type=pdf>
- Popov A.A., Visser A.Ph., Ketting E. (1993). Contraceptive Knowledge, Attitudes, and Practice in Russia during the 1980s. *Studies in Family Planning*, 24(4), 227–235.
<https://doi.org/10.2307/2939190>
- Potârcă G., Mills M., Lesnard L. (2013). Family Formation Trajectories in Romania, the Russian Federation and France: Towards the Second Demographic Transition? *European Journal of Population*, 29(1), 69-101. <https://doi.org/10.1007/s10680-012-9279-9>
- Puur A., Rahnu L., Maslauskaitė A., Stankuniene V. (2012a). Past and present patterns of family formation in Eastern Europe: Does Hajnal's delineation still matter? *Filosofija Sociologija*, 23(4), 256-265.
- Puur A., Rahnu L., Maslauskaitė A., Stankuniene V., Zakharov S. (2012b). Transformation of Partnership Formation in Eastern Europe: The Legacy of the Past Demographic Divide. *Journal of Comparative Family Studies*, 43(3), 389-417.
- Rahnu L., Puur A., Sakkeus L. (2016). *Partnership dynamics in second half of the 20th century: Evidence from Estonia and other GGS countries of Europe*. Tallinn University.
- Sobotka T., Toulemon L. (2008). Changing family and partnership behaviour: Common trends and persistent diversity across Europe. *Demographic Research*, 19, 85-138.
<https://doi.org/10.4054/DemRes.2008.19.6>
- van de Kaa D.J. (1987). Europe's Second Demographic Transition. *Population Bulletin*, 42, 3-57.
- Vikat A., Spéder Z., Beets G., Billari F.C., Bühler C., Désesquelles A., Fokkema T., Hoem J.M., MacDonald A., Neyer G. (2007). Generations and Gender Survey (GGS): Towards a better understanding of relationships and processes in the life course. *Demographic research*, 17, 389-440.

Zakharov S.V., Ivanova E.I. (1996). Fertility Decline and Recent Changes in Russia: On the Threshold of the Second Demographic Transition. In J. DaVanzo (Ed.), *Russia's Demographic "Crisis"* (pp. 36-82). Santa Monica (CA): RAND.

Приложение

Таблица П1. Доли респондентов, состоящих в конкретных статусах к возрастам 15, 25 и 35 лет, в разрезе стран, гендера и поколений, %

Возраст	Статус	Франция										Эстония										Россия									
		мужчины					женщины					мужчины					женщины					мужчины					женщины				
		'30-39	'40-49	'50-59	'60-69	'70-79	'30-39	'40-49	'50-59	'60-69	'70-79	'30-39	'40-49	'50-59	'60-69	'70-79	'30-39	'40-49	'50-59	'60-69	'70-79	'30-39	'40-49	'50-59	'60-69	'70-79	'30-39	'40-49	'50-59	'60-69	'70-79
15 лет	SCOE	37,8	30,2	23,2	15,6	11,6	53,9	34,5	26,8	15,9	9,4	14,9	6,9	2,5	1,4	4,2	19,6	7,7	2,1	1,0	2,9	0,8	0,6	0,1	0,5	0,6	0,1	0,2	0,3	0,0	0,1
	SCOEL	2,3	1,2	0,7	0,3	0,4	3,6	1,1	0,8	0,6	0,2	0,8	0,6	0,2	0,4	0,0	2,0	0,5	0,1	0,0	0,1	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,1	0,0	0,0	0,0	0,1
	SCOL	7,8	5,8	4,3	3,7	2,6	2,6	4,8	2,6	2,7	1,9	6,4	4,1	3,8	2,2	1,2	4,2	4,4	2,3	2,1	2,4	5,8	7,5	4,4	4,7	5,2	8,2	6,3	5,5	5,5	4,1
	SCOLE	2,8	1,7	1,2	0,6	0,7	3,4	2,0	1,4	0,7	1,1	0,3	0,0	0,0	0,0	0,0	0,1	0,1	0,1	0,1	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,1	0,3	0,0	0,0	0,0	0,0
	SCON	48,4	60,7	70,3	79,1	84,7	36,1	57,3	67,5	79,4	87,0	77,4	88,1	93,4	95,8	94,0	73,8	86,9	95,3	96,6	93,8	93,4	91,8	95,0	94,6	93,5	91,4	93,1	93,7	94,1	95,1
25 лет	цензурирования	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,7	0,0	0,0	0,0	0,0	0,4	0,0	0,0	0,0	0,0	3,8	0,0	0,0	0,0	0,0	5,1
	M1COE	0,9	0,8	0,6	0,1	0,0	0,4	0,6	0,2	0,2	0,3	2,6	1,5	1,5	0,6	0,9	5,9	4,2	1,3	0,8	0,7	3,4	3,1	3,0	2,7	1,6	1,4	1,0	1,4	1,1	1,5
	M1COEL	17,7	14,3	13,4	8,4	3,2	12,4	12,3	11,9	8,3	5,2	7,2	3,5	7,6	5,0	2,5	4,6	4,7	3,5	2,4	2,1	4,0	3,5	4,3	6,2	5,3	4,0	2,9	3,8	2,8	2,2
	M1COL	2,7	2,2	2,6	0,9	0,5	0,4	1,4	2,1	1,9	0,3	3,6	4,8	3,0	0,8	0,2	1,2	1,5	1,7	0,8	0,6	5,4	3,7	1,8	1,8	1,6	2,6	2,3	1,1	1,1	0,7
	M1COLE	3,2	3,8	3,3	1,7	1,9	0,7	2,6	2,5	2,2	3,5	2,8	2,6	4,6	1,6	0,9	2,8	3,1	3,5	2,2	1,9	6,6	6,1	6,2	4,2	3,8	5,5	3,8	5,0	3,6	3,9
	M1C1E	0,2	1,5	0,5	0,2	0,1	3,0	1,6	0,7	0,5	0,2	4,9	3,9	4,9	4,6	2,1	15,9	13,0	6,6	3,8	2,0	6,6	5,7	5,7	4,8	3,8	6,0	6,1	6,7	5,7	4,8
	M1C1EL	18,6	23,8	19,9	7,8	3,2	40,1	42,6	32,3	17,7	7,7	10,5	16,5	17,6	21,4	9,6	17,0	18,5	21,7	22,7	15,0	8,5	12,7	17,6	16,9	15,6	11,5	13,7	15,8	20,8	18,8
	M1C1L	1,8	3,0	2,1	1,2	0,4	3,0	3,3	3,4	2,3	0,9	6,2	8,7	7,2	3,8	1,4	2,7	7,9	8,6	7,7	2,4	4,2	8,0	5,3	4,3	2,0	7,6	8,1	8,4	5,9	4,4
	M1C1LE	5,1	6,0	4,3	1,1	1,1	4,7	5,9	7,1	3,3	4,0	4,4	9,7	13,1	11,1	4,2	5,4	12,8	22,7	24,0	10,5	10,9	13,9	17,1	17,2	12,3	24,4	28,3	27,9	31,1	25,9
	M1C1N	0,4	0,1	0,0	0,0	0,0	0,1	0,1	0,1	0,1	0,0	1,3	1,5	0,2	0,4	0,0	2,8	3,3	1,4	0,2	0,0	1,8	1,4	1,6	0,5	0,6	1,2	1,7	0,7	0,6	1,1
	P1COE	0,4	0,3	0,0	1,6	1,5	0,1	0,0	0,3	0,5	0,9	0,5	1,1	1,1	2,4	3,5	1,6	0,6	1,1	0,7	2,1	0,8	1,2	0,8	0,6	1,6	0,4	0,3	0,2	0,8	1,1
	P1COEL	0,4	2,4	5,4	16,6	18,1	0,7	1,4	4,4	13,1	15,3	1,5	1,3	3,4	4,2	10,2	0,2	0,8	1,0	1,1	5,6	0,6	0,2	0,1	1,5	5,3	0,7	0,2	0,4	0,6	1,9
	P1COL	0,0	1,3	1,5	3,4	3,9	0,0	0,6	1,7	4,3	3,1	1,0	0,6	0,9	1,2	1,2	0,4	0,3	0,1	0,6	2,4	1,0	0,6	0,5	1,3	1,0	0,4	0,5	0,3	0,3	0,4
	P1COLE	0,2	0,8	2,8	7,5	12,1	0,7	0,7	2,8	8,4	14,2	1,3	0,4	1,5	3,6	3,0	0,4	0,6	1,1	1,8	5,4	0,8	0,4	0,6	1,4	4,6	0,9	0,7	0,6	0,9	2,2
	P1C1EL	0,9	1,2	2,1	5,0	4,7	0,6	1,4	2,3	5,7	6,9	0,5	1,1	0,9	3,0	5,8	1,2	0,9	1,9	4,9	9,9	0,2	1,4	0,8	1,5	1,7	0,4	0,4	0,9	1,1	2,5
	P1C1LE	0,5	0,5	0,4	1,2	2,3	0,3	0,6	1,3	2,6	5,1	0,0	0,6	1,1	0,8	4,4	0,4	0,4	0,6	3,5	7,4	0,2	0,4	1,1	0,9	1,0	1,3	1,2	1,3	1,9	4,6
	SCOE	14,7	9,8	10,5	14,1	13,2	12,2	6,4	6,3	6,6	7,9	13,8	12,3	9,3	7,9	24,3	13,8	6,9	5,1	6,8	13,1	12,9	10,6	10,3	10,5	11,9	8,3	6,3	5,7	5,8	5,5
	SCOEL	17,2	12,6	15,3	13,0	14,8	5,7	6,4	7,7	7,6	6,5	11,0	6,9	8,7	9,5	10,3	6,9	3,8	3,3	3,0	1,8	2,0	2,2	3,5	5,0	6,7	2,5	2,5	2,1	2,0	2,1
	SCOL	4,1	4,9	4,3	5,3	5,4	2,0	1,4	3,0	3,6	4,1	11,0	6,3	2,7	2,6	0,9	2,6	3,0	2,4	2,0	1,0	8,7	6,1	3,6	3,0	2,2	3,1	3,9	2,0	1,6	0,6
	SCOLE	7,1	6,3	5,8	5,2	8,9	3,0	3,3	3,6	4,8	8,9	8,7	9,5	4,4	5,2	4,4	4,2	3,9	3,6	2,8	4,1	12,1	7,6	8,2	8,1	7,3	5,8	6,3	6,2	5,0	4,0
SCON	1,4	1,7	2,2	2,9	2,2	1,4	1,0	0,8	1,6	1,0	4,6	2,6	1,1	2,8	1,4	3,8	3,4	1,2	1,1	1,9	5,2	4,7	2,8	1,8	1,9	2,9	2,1	2,0	1,1	0,6	

Возраст	Статус	Франция										Эстония										Россия									
		мужчины					женщины					мужчины					женщины					мужчины					женщины				
		'30-39	'40-49	'50-59	'60-69	'70-79	'30-39	'40-49	'50-59	'60-69	'70-79	'30-39	'40-49	'50-59	'60-69	'70-79	'30-39	'40-49	'50-59	'60-69	'70-79	'30-39	'40-49	'50-59	'60-69	'70-79	'30-39	'40-49	'50-59	'60-69	'70-79
35 лет	SC1EL	0,9	1,3	0,7	0,1	0,5	6,3	3,0	1,4	1,0	1,1	0,0	0,0	0,0	0,4	0,0	0,2	0,4	0,8	0,6	0,3	0,4	0,8	1,1	0,7	0,4	1,9	1,1	0,9	0,6	0,9
	SC1LE	0,2	0,3	0,4	0,3	0,3	0,7	0,9	0,7	0,6	0,3	0,0	0,2	0,0	0,2	0,4	0,1	0,4	0,7	0,4	0,2	0,6	1,2	1,0	1,1	0,4	3,4	2,3	2,1	1,4	1,1
	цензурирования	0,0	0,0	0,0	0,0	88,3	0,0	0,0	0,0	0,0	89,0	0,0	0,0	0,0	0,8	97,0	0,0	0,0	0,0	1,3	97,2	0,0	0,0	0,0	3,9	100,0	0,0	0,0	0,0	3,0	100,0
	M1COEL	5,3	4,0	5,7	2,8	0,4	5,8	4,9	3,8	2,8	0,2	3,1	2,2	2,3	1,8	0,0	1,4	1,1	1,5	0,8	0,1	2,8	2,9	3,1	2,9	0,0	1,9	2,6	1,5	1,5	0,0
	M1COLE	0,7	1,1	2,5	1,0	0,1	0,6	0,8	0,9	0,4	0,0	3,1	2,2	1,9	1,0	0,0	1,6	0,6	1,1	1,3	0,0	5,4	2,4	2,1	1,6	0,0	2,7	2,2	2,5	1,5	0,0
	M1C1E	1,2	1,2	0,9	0,6	0,0	2,0	1,0	0,6	0,5	0,0	12,1	10,4	9,5	6,5	0,4	31,9	20,5	8,3	4,4	0,3	8,5	7,5	4,8	4,5	0,0	5,9	4,1	4,9	3,6	0,0
	M1C1EL	54,3	48,3	42,3	30,3	3,6	60,5	58,6	48,8	37,0	3,1	30,5	27,9	33,2	33,1	0,7	28,3	27,0	31,2	28,3	0,6	26,0	28,2	34,7	31,6	0,0	23,9	23,3	28,2	30,0	0,0
	M1C1L	3,0	2,6	2,5	1,2	0,0	2,4	2,5	3,0	2,4	0,1	5,4	4,1	0,9	0,4	0,0	1,8	2,4	2,5	2,6	0,0	4,6	4,7	1,4	0,9	0,0	3,7	2,9	2,7	2,1	0,0
	M1C1LE	17,2	19,8	12,8	12,1	1,5	9,2	12,0	15,8	15,7	3,0	28,7	35,3	32,8	23,0	0,4	16,5	29,6	38,5	35,6	0,4	36,6	39,4	38,2	31,8	0,0	41,6	44,5	43,7	41,5	0,0
	P1COEL	0,7	1,7	4,4	7,9	0,5	0,3	1,7	2,8	3,8	0,0	0,5	0,9	0,9	1,8	0,0	0,2	0,1	0,1	0,6	0,0	0,8	0,2	0,5	1,3	0,0	0,6	1,0	0,4	0,3	0,0
	P1COLE	0,4	1,6	3,6	4,8	0,9	0,1	1,2	2,2	4,1	0,4	1,3	0,6	1,1	2,2	0,0	0,0	0,3	0,5	0,7	0,0	0,2	0,2	0,8	1,6	0,0	0,6	0,3	0,5	0,9	0,0
	P1C1EL	1,2	2,6	6,2	16,7	1,7	1,4	2,0	4,4	11,9	2,0	0,8	1,9	3,0	8,3	0,7	1,2	2,0	1,9	6,1	0,4	0,4	1,4	1,5	3,8	0,0	1,4	1,0	2,0	2,5	0,0
	P1C1LE	0,7	0,9	2,6	5,9	1,2	0,3	1,4	3,3	9,4	1,0	0,0	0,9	2,5	4,4	0,5	0,4	0,9	1,8	4,6	0,2	1,6	1,4	2,6	2,7	0,0	1,7	2,9	2,5	3,2	0,0
	SCOE	2,7	3,0	3,1	1,9	0,4	1,6	1,2	1,7	1,0	0,3	4,6	2,8	3,6	4,0	0,4	4,2	3,3	1,9	3,5	0,3	1,4	1,8	2,8	2,2	0,0	1,0	2,0	1,1	1,3	0,0
	SCOEL	4,4	5,4	5,3	6,0	0,4	2,8	3,7	3,6	3,4	0,1	0,8	1,3	1,3	2,0	0,0	0,4	0,5	0,1	0,2	0,0	1,2	0,4	0,8	1,6	0,0	0,8	0,7	0,5	0,9	0,0
	SCOLE	1,8	1,9	2,2	1,6	0,3	2,0	1,9	1,7	1,5	0,2	1,5	0,9	0,4	1,2	0,0	0,6	0,8	0,5	0,7	0,0	1,6	1,4	1,5	3,2	0,0	1,5	2,3	1,5	1,0	0,0
SC1EL	2,1	1,5	1,5	1,2	0,4	8,1	3,2	2,1	1,4	0,1	0,0	0,0	0,2	0,0	0,0	0,2	0,0	0,3	0,1	0,0	0,4	1,2	1,3	1,1	0,0	2,7	2,0	1,5	1,4	0,0	
SC1LE	0,7	0,5	1,0	0,8	0,0	0,9	1,0	0,9	0,8	0,2	0,0	0,2	0,0	0,0	0,0	0,0	0,5	0,3	0,1	0,0	2,4	1,6	1,0	1,3	0,0	4,9	3,6	2,4	1,3	0,0	

Примечание: Строки, в которых доли в каждой ячейке меньше 3%, удалены.

Таблица П2. Доли первых деторождений вне брачно-партнерских союзов, в партнерстве и в браке: к возрастам 15, 25 и 35 лет, в разрезе стран, гендера и поколений статусов, %

Возраст	Первое деторождение	Франция										Эстония										Россия									
		мужчины					женщины					мужчины					мужчины					женщины					мужчины				
		'30-39	'40-49	'50-59	'60-69	'70-79	'30-39	'40-49	'50-59	'60-69	'70-79	'30-39	'40-49	'50-59	'60-69	'70-79	'30-39	'40-49	'50-59	'60-69	'70-79	'30-39	'40-49	'50-59	'60-69	'70-79	'30-39	'40-49	'50-59	'60-69	'70-79
15 лет	вне союзов	0,4	0,3	0,0	0,0	0,0	0,3	0,0	0,2	0,1	0,1	0,0	0,0	0,0	0,2	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,1	0,1	0,0	0,0	0,1	0,0	0,0	0,1
	в партнерстве	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,1	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,1	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,1	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0
	в браке	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,1	0,1	0,1	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,1	0,0
25 лет	вне союзов	1,6	1,6	1,5	0,7	0,9	7,5	5,2	3,1	2,3	1,9	0,3	0,2	0,4	0,6	1,8	1,5	2,3	2,9	2,2	2,4	2,2	2,9	2,9	3,2	1,4	6,6	4,7	4,2	3,2	3,6
	в партнерстве	1,6	1,7	2,7	6,9	7,4	1,3	2,5	4,4	9,2	12,9	1,0	2,4	3,4	6,0	13,7	3,0	2,1	3,8	10,0	22,0	0,8	2,2	2,5	3,3	3,3	2,8	2,6	3,1	3,8	8,5
	в браке	26,1	35,1	27,3	10,5	5,1	51,1	53,9	44,3	24,1	13,1	27,2	41,3	44,4	42,1	18,0	44,8	57,8	62,7	60,8	30,8	32,2	43,1	47,6	44,4	35,0	51,3	58,7	60,7	65,6	55,5
35 лет	вне союзов	3,5	2,1	2,7	2,3	0,4	9,7	5,0	3,4	2,5	0,3	0,3	0,6	0,4	0,2	0,0	1,4	1,8	2,9	2,9	0,1	3,4	3,9	2,4	2,9	0,0	9,1	6,4	4,6	3,6	0,0
	в партнерстве	2,1	3,6	9,4	24,5	3,0	1,8	3,6	8,9	22,1	3,0	1,5	4,8	7,0	15,5	1,2	4,1	4,3	5,7	12,5	0,8	2,6	3,1	4,6	7,1	0,0	3,7	4,9	5,1	6,3	0,0
	в браке	76,8	72,9	59,6	44,8	5,1	74,5	74,8	69,3	56,4	6,3	79,5	80,1	78,6	65,5	1,4	81,8	83,6	83,8	73,7	1,3	76,9	82,0	79,6	70,3	0,0	76,2	76,2	81,0	78,9	0,0